

Анна Сергеева-Клятиц

“На предложенный Вами [...] вопрос я отвечаю еще раз – нет”: переписка В.Ф. Комиссаржевской с С.С. Татищевым

“I Answer Again 'No' to the Proposal You (...) Made”: The Correspondence between Vera Kommissarzhevskaja and Sergei Tatishchev

The present article offers for the first time a detailed analysis of the relationship between the actress Vera Kommissarzhevskaja and the diplomat and philanthropist Sergei Tatishchev. New details are given in particular on Tatishchev's marital status. The letters shed new light on his figure and role in the fate of Kommissarzhevskaja, whose personal letters to Tatishchev are also published for the first time. The main aim of the present article is to reveal new facts on Kommissarzhevskaja's biography based on her epistolary exchange with Tatishchev.

Актриса Вера Федоровна Комиссаржевская впервые познакомилась с Сергеем Спиридоновичем Татищевым в Вильно в то время, когда два сезона в 1894–1896 годов работала в антрепризе К.Н. Незлобина. Восторженный почитатель актерского таланта, заядлый театрал, Татищев был покорен игрой Комиссаржевской. Уезжая в столицу, он предложил ей помощь в устройстве карьеры, между ними завязалась переписка. Татищев был успешным дипломатом, работал в разных российских посольствах Евро-

пы. Во время Русско-турецкой войны поступил добровольцем в Дунайскую армию, служил в гусарском полку и участвовал в знаменитом кровопролитном сражении под Плевной. В начале 1880-х годов состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел. По личному поручению В.К. Плеве подготовил исследование *История социально-революционного движения в России. 1861–1881 (1897)*, которое считается первой аналитической работой по истории русского терроризма. Татищев придерживался кон-

сервативных взглядов и старлся по мере сил бороться с развивающейся эпидемией революционности. Выйдя в отставку, сотрудничал в нескольких журналах, вел политическое обозрение в «Русском вестнике». Однако известен он прежде всего своими историческими трудами: пятисотлетней историей рода Татищевых, биографией Александра III.

В начале 1870-х годов, когда Татищев работал в Российском посольстве в Вене, несмотря на свое аристократическое происхождение и высокий дипломатический статус, он был фактически гражданским мужем скандально известной опереточной артистки Гермины Майерхоф, которой в это время было чуть больше 20 лет. В 1877 году в Париже у них родилась дочь Мария, после чего они на время расстались: Татищев участвовал в военных действиях, Гермина продолжала свою театральную карьеру в Вене, совершая триумфальные гастрольные поездки по всей Европе. В 1888 года г-жа Майерхоф покинула сцену, и в том же году Татищев заключил с ней официальный брак. По-русски она была записана как Гермина Юрьевна Мейергоф. Жили они – то в России, то в

Европе. Умер Татищев в Граце в 1906 году (Карцов 1916; Брокгауз, Ефрон 1907).

Видимо, драматический талант Комиссаржевской покорила Татищева не меньше, чем вокальные данные Гермины Майерхоф. Влиятельный вельможа предложил начинающей актрисе свою помощь – обещал переговорить с директором императорских театров И.А. Всеволожским. Александринский театр – главная сцена страны – был заинтересован в том, чтобы привлечь Комиссаржевскую в свою труппу, но условия, которые предлагались на первых порах, ее не устраивали. И она просила Татищева выступить от ее лица. Правила для поступающих на императорскую сцену актеров были общими: обязательно полагался дебют, который посещали все представители администрации и художественной части театра. И только после удачного дебюта принималось решение о предоставлении актеру контракта, который подписывался сразу на три года, лишая актера свободы передвижения. Комиссаржевской такая жесткая зависимость была не по нраву. Она требовала возможности поступления в театр без дебюта, с контрактом на один год, с жалованьем в 4000

рублей¹, пользованием казенным театральным гардеробом² и правом выступить осенью (то есть сразу после начала сезона) в трех пьесах по ее выбору. Татищев усердно вел переговоры, но встречал на этом пути довольно жесткое сопротивление, связанное с косностью любой государственной структуры и ее традиционным консерватизмом. Не уступала и Комиссаржевская. В своих письмах она ясно и настойчиво требует желаемого. “Я отлично понимаю, что Всеволожск<ий>, не выдав меня ни разу на сцене, не может подписать со мной контракт, какие бы блестящие отзывы обо мне ему ни давали”³, – видимо,

¹ Такое жалованье за сезон – довольно низкая оплата труда для актера Александринского театра, однако Комиссаржевская только поступала в труппу и еще не обладала авторитетом признанной большой актрисы. Она шла на это, потому что просила для себя уступок (контракт на год вместо трех), которые компенсировались невысокой зарплатой, а, кроме того, в сравнении с тем, что она имела у Незлобина (250 рублей в месяц и собственный гардероб), это все же было значительное улучшение.

² Практически во всех провинциальных театрах, да и во многих мелких столичных, костюмы для спектаклей актеры должны были шить из своих собственных средств.

³ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, ноябрь 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 50).

соглашается она с доводами Татищева. Однако:

Не желать поступить на импер<аторскую> сцену было бы дико. Но я Вам и объяснила и ‘доказала’ (припомните наш последний разговор), что не могу идти на импер<аторскую> сцену иначе как при тех условиях, какие я предлагаю. Если я им нужна, то они согласятся, так как я ничего невозможного не прошу, а если я им не нужна, то не лучше ли мне ехать в какой-нибудь университетский город и занять там такое положение, при котором не страдало бы мое самолюбие и нервы; тем более, что последние, благодаря сложившейся жизни, достаточно расшатаны⁴.

Обратим внимание на твердость в заявлениях актрисы и ее раздраженную интонацию. Преодолевая препятствия, она упорно стремилась к максимальной свободе выбора. Конечно, эта свобода была тесно связана с желанием полно-

⁴ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, октябрь 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 48).

стью отдаваться служению искусству. Духовные устремления Комиссаржевской были неотъемлемой частью ее профессионального пути, и она прекрасно понимала, как нужно наиболее эффективно его выстраивать. “Торопиться с выяснением этого вопроса заставляет меня следующее: я получила два очень хороших приглашения на будущий сезон и должна дать ответ. [...] Для меня это вопрос очень важный, так как раз я не сойду с императорским театром, то не хочу пренебрегать хорошими приглашениями”⁵.

Несмотря на хлопоты Татищева, Комиссаржевская осталась в театре Незлобина на второй сезон: ей был предложен контракт с повышением жалованья, и она подписала его. Татищев прилагал всевозможные усилия, чтобы вытащить Комиссаржевскую в Петербург – если пока не на императорскую сцену, то хотя бы в знаменитый столичный театр его коллеги и единомышленника А.С. Суворина, с которым он сотрудничал в периодических изданиях. Но Комиссаржевская как будто избегает этой чести. Она пишет Татищеву,

⁵ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, середина ноября 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 49).

видимо, отвечая на его упрёки:

Ни на минуту я не “пренебрегала” вашим желанием и стремлением расчистить мне дорогу к цели, к достижению которой направлены все мои помыслы. Но я не виновата, что ряд обстоятельств помешал мне до сих пор воспользоваться Вашей милой предупредительностью. Зачем Вы мне говорите “одумайтесь!”, будто бы я сама не понимаю всей целесообразности Ваших советов?! Я с удовольствием бы приняла предложение Суворина, прямо с большим удовольствием, но я кончила в Вильно, заключила контракт и не выполнить его не могу. Вы скажете, напрасно я торопилась, и будете правы, но я не могла иначе сделать⁶.

Конечно, Комиссаржевская приняла решение продлить контракт с Незлобиным не в результате минутного порыва. Она все хорошо продумала – покорять императорскую сце-

⁶ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, 28 июля 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 46).

ну она планировала явиться прямо из провинции, суворинский театр – лишняя ступенька, она не хотела, чтобы к ней привыкали в столице: “Если я им нужна, то они согласятся”.

Зададимся вопросом: почему Татищев на протяжении почти двух лет прилагал упорные усилия, чтобы перетащить Комиссаржевскую на столичную сцену? Было ли в этом неуклонном желании только стремление помочь молодому дарованию и послужить таким способом искусству? Из сохранившегося эпистолярия с очевидностью следует, что нет. Ю.П. Рыбакова предполагает, что Татищев сделал Комиссаржевской предложение руки и сердца, на которое та ответила отказом (Рыбакова 1971: 36). Это предположение нам приходится отвергнуть в силу неоспоримого факта – в то время, когда Татищев окружал своим вниманием Комиссаржевскую, он был уже женат на Гермине Майерхоф, с которой оставался в официальном браке до самой своей смерти. Ю.П. Рыбакова сравнивает ситуацию Татищев – Комиссаржевская с драматургическим дуэтом Великатов – Негина (А.Н. Островский *Таланты и поклонники*), однако правильнее было бы сравнить

ее с другой литературной парой: Лариса – Кнуров (*Беспреданница*). Татищев предлагает Комиссаржевской не столько содержание, сколько просто свои чувства, в природе которых трудно усомниться. Ну и, конечно, – совместное путешествие в Париж.

Татищев зовет Комиссаржевскую в Париж во время Великого поста 1896 года, заманивая ее возможностью сыграть на парижской сцене. Она с большим интересом откликается на это предложение: “[...] Скажите мне, – взволнованно спрашивает она в письме, – если бы я нашла средства поехать этим постом за границу, помогло ли бы это, то есть придвинуло бы возможность сыграть мне в Париже в 96 году. Конечно, я попросила бы тогда Вас познакомить меня с кем нужно заранее”⁷. Попутно она ссылается на семейные причины, которые могут помешать исполнению ее планов, под семейными причинами подразумевая безденежье и тяжелые долги, из которых никак не удавалось вырваться. Прочитав про “семейные причины”, Татищев уверен, что речь идет о новом замужестве. В следующем письме Комис-

⁷ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, после 20 декабря 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 52).

саржевская успокаивает его: “Даю Вам слово, что упомянутые мной семейные условия не имеют никакого отношения к моему сердцу и предполагаемая Вами причина никогда не могла бы заставить меня изменить направление пути, по которому я иду [...]”⁸.

Попытаемся ответить на вопрос: как же относилась сама Комиссаржевская к своему “другу и попечителю”, как она называет Татищева в одном из писем, и чего ожидала от этой “дружбы”? Думается, что ни минуты не сомневалась в природе интереса к ней Татищева: она была уже вполне зрелой женщиной, пережившей серьезную личную драму. Однако, вероятно, рассчитывала все же на искренность его желания помочь ей продвинуться вне зависимости от того, как сложатся их личные отношения. Собственно – была права. Благодарства Татищева вполне хватило на то, чтобы вести многомесячные переговоры с Александринским театром и добиться принятия тех условий, которые настойчиво выставляла Вера Федоровна. Была ли она осмотрительна в этих отношениях? Очевидно, что нет. Письма Татищеву

⁸ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, конец декабря 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 52–53).

полны намеков, полупризнаний, полусогласий, из которых, при определенном складе мышления, можно сделать далеко идущие выводы: “На второй неделе поста я буду в Петербурге, и мы с Вами увидимся и обо всем переговорим, а переговорить мне с Вами хочется и надо об очень многом, многое Вам сказать, о многом спросить и составить сообща программу будущего моего в том направлении и смысле, какие Вас интересуют или по крайней мере интересовали очень недавно”⁹.

О каком будущем идет речь? Только ли об артистическом или Комиссаржевская намекает на личные отношения? “Еще раз повторяю, мне ужасно бы хотелось Вас повидать и поговорить об очень многом. Сообщаю Вам свои местопребывания, может быть, Вы найдете какую-нибудь возможность добраться до меня”¹⁰. В это время Татищев находится в Мариенбаде, и Комиссаржевская настойчиво зовет его либо в Старую Руссу, где проходят ее летние гастролы, либо на Кавказ в Су-

⁹ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, декабрь 1894 – январь 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 44–45).

¹⁰ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, 28 июля 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 46).

хум-Кале, куда она собирается отправиться в августе для встречи с отцом, либо, в конце концов, в Одессу, через которую, видимо, предполагает возвращаться обратно. Весь этот маршрут ей самой представляется неудобным для назначения свидания, и тем не менее в письме упорно повторяется: “Напишите поскорей – а лучше всего приезжайте”; “невозможно писать, а поговорить надо”.

Приведем полностью одно из ее писем С.С. Татищеву, в силу его очевидной двусмысленности не включенное ни в одно эпистолярное собрание Комиссаржевской и публикуемое здесь впервые:

Ох, и трудную же Вы на себя обязанность взяли, добрейший Сергей Спиридонович! Видите, начинаю с послушания: Вы просили написать Вам, если получу какие-нибудь известия из Петербурга, а я, следуя лишь своему желанию, пишу Вам, не дождавшись ниоткуда никаких известий. Вам не понравилось мое “*merci*”, ну позвольте мне заменить его другим словом, тем, которое я говорю, желая сказать что-нибудь от

души, а именно – спасибо. Ничего не сказать я, право, не могу. Не знаю, будут ли когда-либо иметь основание благодарить Вас русское общество и искусство [речь идет о трудах Татищева по продвижению Комиссаржевской на Императорскую сцену – А. С.–К.], знаю только, что я всегда буду благодарна Вам, хотя бы Вы мне не оказали ни малейшей услуги. Вы так тепло, с такой искренностью, которой я не имею ни малейшего ни основания, ни желания не доверять (это ответ на Ваше “кажется”, доверчиво отнеслись ко мне”, простите за скобки, но спешу предупредить, что не умею положительно не злоупотреблять ими) отнеслись ко мне, что я не могла не вынести отрадного впечатления от разговора с Вами, и так как подобными впечатлениями судьба нас не балует, то я и повторяю Вам – спасибо. Вы будете кудесник, если разберетесь скоро в моих иероглифах, но бранить меня все-таки не посмеете, т.к. много тоже и моего

труда стоит разобрать Вашу руку, и я делала это не только без ропота, но с полным удовольствием. Надеюсь, что многошумный-очаровательно-головокружительный Париж не заставил Вас забыть о существовании “любимого птенца”. Я жду Вас на бенефис (26-го окт.), но не рассержусь, если Вы приедете раньше. Исписав четыре страницы, я не сказала в сущности ничего, но это свойственно женщинам – зачем же быть исключением, а в данном случае это не нужно, не правда ли? Значит, до свидания, добрая моя нянюшка. Жму крепко Вашу руку. Мама просит передать Вам свой привет¹¹.

Очень любопытна в этой странной истории и роль Марии Николаевны, матери Комиссаржевской, которая активно участвует в перипетиях жизненной драмы, сама переписывается с Татищевым, сообщает о переменах настроения Веры, просит его о помо-

¹¹ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, октябрь 1894 года* // ГАРФ. Ф.597. Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 14-16.

щи, убеждает потерпеть и подождать. Здесь все кажется двусмысленным. И поведение самой героини: действительно ли она воспринимала свое общение с Татищевым как дружеское, или для нее речь тоже идет о большем? “Зачем Вы спрашиваете, предоставлена ли я Вам, – ведь я вам уже сказала – высказала свои условия, на дальнейшее даю *carte blanche*”¹². Вроде бы речь идет о театре, но выражено это так неоднозначно, что любой бы задумался, тем более человек заинтересованный. Или она намеренно играет с Татищевым, пытаюсь добиться от него желаемой помощи? Да и сам Татищев – о чем, собственно думал, на что рассчитывал? Может быть, он намеревался развестись с Герминой в случае согласия Веры? Об этих его намерениях нам ничего неизвестно.

В январе 1896 года Татищев приехал в Вильно, видимо, для решительного объяснения. Следы этого объяснения встречаются в одном из последующих писем, которым Комиссаржевская поставила точку в их отношениях:

¹² В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, начало декабря 1894 года* (Комиссаржевская 1967: 51).

На предложенный Вами в последний раз, как Вы говорите, вопрос я отвечаю еще раз – нет; но не могу ограничиться этим ответом, не считая нужным отказать себе в желании сказать Вам еще несколько слов. Ваше письмо не только огорчило, но и удивило меня; при последнем нашем свидании, казалось, все было выяснено, и Вы, получив от меня ответ на вопрос, предлагаемый в сегодняшнем письме, решили остаться моим другом, простившись с надеждами, которые питали до сих пор; но Вы проверили себя и решили, что это невозможно. Пусть будет так. Пусть будет так. Мне слишком больно, что я заставляю Вас переживать тяжелые минуты, награждая хоть и невольно ими за все то искреннее ко мне сочувствие и желание добра, доказательств которых Вы мне дали так много. Не сердитесь, что я не считаю теперь себя в праве принять от вас те услуги, которые Вы мне предложили с той добротой, в искренности которой я никогда не

сомневалась и не усумнюсь. Вы не можете себе представить, как мне тяжело так огорчить Вас и лишиться в Вас друга, но я никогда не кривила душой и в данном случае особенно не могу не ответить честно, правдиво, рискуя даже потерять Ваше ко мне хорошее отношение¹³.

Этим письмом фактически заканчивается корпус переписки между Комиссаржевской и Татищевым. Она отказалась от его содействия относительно европейских гастролей, не желая более быть обязанной в силу понятных причин. Однако действительная помощь Татищевым ей уже была оказана. Мать Комиссаржевской сообщает:

В ноябре 1895 года приехал в Вильно поверенный от директора Императорских театров, Ивана Александровича Всеволожского, опять с предложением о поступлении на Императорскую сцену. Этот господин ехал, по театральным делам, за границу и

¹³ В.Ф. Комиссаржевская, С.С. Татищеву, 23 января 1895 года (Комиссаржевская 1967: 54–55).

обещал заехать к Вере за ответом на возвратном пути [...]. Веру отпустил г. Незлобин на три дня; по отъезде ее я все еще надеялась, что на ее условия не согласятся, так как она решила заключить контракт на один год, а там правило было заключать его на три. Увы. На второй день ее приезда я, к вечеру, получила телеграмму, что контракт у нее в кармане, что Ив. Ал. Всеволожский согласился на один год, четыре тысячи жалованья, гардероб весь казенный (Комиссаржевская 1911: 19–20).

Переписку с Татищевым, который резко оборвал все связи с Верой (ни видеть, ни получать от нее писем он был “не в силах”), некоторое время продолжала ее мать, стараясь сохранить с ним добрые дружеские связи. Но это ей, видимо, не удалось. Татищев был больно задет, раздосадован, обижен однозначностью и очевидной жесткостью Вериного отказа, обвинил ее в не деликатности, неблагодарности и корыстности и сообщил Марии Николаевне, что “Бог его спас” от неправильного

выбора. Возмущенная мать писала в ответ: “Когда Вы будете в силах беспристрастно разобраться во всем, Вы поймете, как глубоко несправедливо Ваше незаслуженное обвинение человека, в котором Вы отрицаете ‘главное’ его достоинство, честное, благородное и бесконечно доброе сердце. Ну, да бог Вам судья”¹⁴. Судя по всему, больше фигура Татищева никогда не возникала на жизненном горизонте Комиссаржевских.

¹⁴ М.Н. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, после 16 февраля 1896 года* // ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Ед. хр. 649. Л. 14.

Библиография

Карцов 1916: Ю.С. Карцов, *Сергей Спиридонович Татищев. Страница воспоминаний*, тип. "Т-ва газ. Свет", Пг., 1916.

Комиссаржевская 1967: В.Ф. Комиссаржевская, *Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы*, Искусство, М.-Л., 1967.

Комиссаржевская 1911: М.Н. Комиссаржевская, *Воспоминания матери // Алконост: Памяти В.Ф. Комиссаржевской. Кн. 1*, Издание Передвижного театра П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской, СПб., 1911, с. 4-22.

Письма и телеграммы В.Ф. Комиссаржевской С.С. Татищеву (1894-1900) // ГАРФ Ф.597. Оп. 1. Ед. хр. 269. 78 л.

Рыбакова 1971: Ю.П. Рыбакова, *Комиссаржевская*, Искусство, Л., 1971.

Брокгауз, Ефрон 1907: *Татищев, Сергей Спиридонович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т*, Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, СПб., 1907, т. 82 (4 доп.).

